

УДК [811.161.1:811.113.6]³73

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-288-300

СТЕРЕОТИПНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КОТЕ И КОШКЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ

А.С. Алёшин¹, Е.И. Зиновьева²

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»
Проспект Большевиков, 22 корп. 1, Санкт-Петербург, Россия, 193232

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
Университетская набережная, 11, Санкт-Петербург, Россия, 199034

В статье предпринимается попытка выявления стереотипного представления о распространенных домашних животных (коте и кошке) на материале устойчивых сравнений русского и шведского языков, характеризующих человека. Целью исследования является выявление доминирующих характеристик, которыми наделяются кот и кошка в русской языковой картине мира на фоне шведской и которые предназначены для оценки человека. Источниками материала послужили словари русских устойчивых сравнений, фразеологический словарь шведского языка, данные «Национального корпуса русского языка» и «Национального корпуса шведского языка». Основными методами, используемыми в исследовании, являются методы сплошной и направленной выборки материала, лексикографического, контекстуального и сопоставительного анализа. Приводится идеографическая классификация русских фразеологизмов, позволяющая выявить релевантные для русской языковой картины мира признаки сравнения, выявляются доминантные в каждой группе основания сравнения, свидетельствующие о важности соответствующего признака для носителей языка, анализируются гендерные различия в использовании фразеологических единиц русского языка с эталонами «кот» и «кошка», особенности употребления русских устойчивых сравнений в контекстах художественной литературы. Проводится сопоставительный анализ с компаративными фразеологизмами с эталоном «*en katt*» шведского языка. Новизна исследования заключается в выявлении сходных и различных характеристик, позволяющих составить «портретное» описание домашних животных, служащих эталонами устойчивых сравнений, выявить релевантные признаки для русской и шведской языковых картин мира. Вектор изучения направлен от эталонов устойчивых сравнений к их основаниям. В результате проведенного исследования делаются выводы о большей номинативной плотности фразеологизмов с компонентами «кот / кошка» в русском языке по сравнению со шведским, различиях в гендерной отнесенности, обусловленной отсутствием родовой дифференциации шведского эталона сравнения, при том, что в русском языке замена компонента «кот» на «кошка» ведет к изменению значения фразеологизма, большей детализации стереотипных представлений в русском языке, в особенности в таких идеографических группах устойчивых сравнений, как характеристики внешности и поведения, и большей пейоративности русских фразеологизмов по сравнению со шведскими. Выявленные эквивалентные единицы в двух языках, а также наличие одних и тех же идеографических групп устойчивых сравнений обусловлены многовековым наблюдением народов — носителей языков за универсальными чертами внешнего облика и поведения животных.

Ключевые слова: устойчивые сравнения, эталон, основание сравнения, стереотипное представление

ВВЕДЕНИЕ

Компаративные фразеологизмы составляют отдельный разряд фразеологических единиц во всех европейских языках. Они отличаются наличием сравнительной семантики и формальными признаками компаративности в виде сравнительных союзов. В отечественных исследованиях для номинации данных единиц используется термин «устойчивые сравнения», который будет принят в данной статье в качестве рабочего. Устойчивые сравнения (далее — УС) — это «воспроизводимые языковые единицы, характеризующиеся логической структурой сравнения, компонентным составом, выражающим компаративные отношения, образностью и особым суперсегментным значением» [1. С. 331]. Исследователи справедливо отмечают оценочную функцию как основную для данного разряда фразеологизмов (см., например, [2]).

Актуальными направлениями современных фразеологических исследований являются сопоставительное [например, 3—12 и др.] и лингвокультурологическое [13—16 и др.]. В большинстве современных исследований также анализируются идеографические разряды УС одного языка в сопоставлении с другим (например, работы последних лет: [17—23 и др.] и / или приводится тематическая классификация эталонов УС в одном языке на фоне другого [13; 24; 25 и др.], изучаются национальные стереотипные представления, вербализованные в УС [26; 27], лингвокультурологический потенциал УС [22; 23; 25 и др.]. Вектор изучения отличается двунаправленностью: от оснований (признаков) УС к их эталонам и в обратную сторону. Объектом исследования служат большие языковые массивы славянских, германских, арабского, китайского и других языков, что позволяет сделать выводы об идеографических лакунах УС в том или ином языке, уникальности или универсальности эталонов УС.

Новизна данной статьи заключается в детальном рассмотрении традиционных стереотипных представлений, стоящих за эталонами УС, называемыми таких равным образом распространенных домашних животных, как кот и кошка, в русской и шведской культуре. Вслед за В.Н. Телия мы считаем, что эталон — «это характерологическая образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией, персоной, культурным объектом, вещью, которая становится знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства» [15. С. 241—242].

Целью статьи является выявление набора доминирующих характеристик, которыми наделяются кот и кошка в русской языковой картине мира на фоне шведской и которые служат для оценки человека. Источниками материала явились словари русских устойчивых сравнений [28, 29] и фразеологический словарь шведского языка [30], данные «Национального корпуса русского языка» [31] и «Национального корпуса шведского языка» [32]. В исследовании используются методы сплошной и направленной выборки материала, лексикографического, контекстуального, и сопоставительного анализа, стилистической и эмоционально-экспрессивной характеристики.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Существительные «кот» и «кошка» являются эталонами большого количества УС русского языка. УС с этими эталонами характеризуют человека с различных точек зрения: внешность, физические качества, свойства личности, черты поведения, эмоциональное состояние, межличностные отношения. Одновременно анализ объекта — образов-эталонов сравнения позволяет нарисовать «портрет» самих животных на материале данного разряда фразеологических единиц. В словарях устойчивых сравнений русского языка приведено 29 УС с эталоном «кот» и 48 УС с эталоном «кошка» [28; 29]. Классификация этих единиц позволяет выделить и сгруппировать признаки, лежащие в основе сравнения.

1. *Внешность*

Доминантными в этой группе УС являются фразеологизмы, дающие неодобрительную характеристику худому, плохо выглядящему человеку — мужчине (УС с эталоном «кот»):

как паршивый кот, худой (тощий, ободранный) как облезлый (драный, ободраный) кот и женщине (УС с эталоном «кошка»): как дохлая кошка, как паршивая (шелудивая) кошка, худая (тощая, ободранная) как драная (облезлая, ободранная) кошка. В данном случае образом-эталонном выступает *худой, шелудивый, ободранный кот / кошка.*

Жалкого, обессиленного, резко постаревшего, обрюзгшего мужчину сравнивают со старым котом — *как старый кот.* Необходимо отметить, что в «Национальном корпусе русского языка» (далее — НКРЯ) эталон *старый кот* используется с такими окказиональными, но вербализующими традиционные в обиходно-культурном опыте представления основаниями сравнений, как *улыбаться, есть рыбу, потягиваться во сне, жмуриться, фукать и жить на печке* [31].

О располневшем и похотливом мужчине говорят «*вид как у кота*». Длинные, редкие, торчащие вверх или в разные стороны усы мужчины характеризуются УС *усы как у кота*. См., например:

«— Плевна, Плевна, Плевночка, — бормотал старик, разглядывая карту и сердито дуя в усы, отчего они начинали *топорщиться как у кота*, что являлось признаком крайнего неудовольствия» (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988)) [31].

При характеристике походки также используется эталон — существительное мужского рода — *кот*: *походка у кого-л. как у кота* — «О чьей-л. мягкой, осторожной, вкрадчивой походке» [28. С. 192]. А эталоном сравнения когтей выступает существительное женского рода — *кошка* — *когти как у кошки*.

Что касается характеристики взгляда и глаз, то в данных УС эталонами могут быть как кот, так и кошка, но изменение эталона в этих случаях ведет к изменению значения фразеологизма:

взгляд у кого-л. как у кота. Неодобр. 1. «О чьем-л. горящем взгляде» [28. С. 192]: «А отчего это у вас *глаза как у кота?*» (М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928—1940)) [6]. 2. «О чьем-л. похотливом, вождедеющем взгляде» [28. С. 192]; *взгляд у кого-л. (немигающий) как у кошки* — «О чьем-л. немигающем, упорно отчужденном взгляде»;

глаза у кого-л. как у kota. Неодобр. 1. ‘О круглых горящих глазах’. 2. ‘О чьих-л. похотливых, вождедеющих, масляных глазах (при взгляде на молодую и симпатичную женщину)’;

глаза у кого-л. (светятся) как у кошки — 1. ‘О больших, округло-открытых зеленых или желтоватых глазах (чаще женских)’ [28. С. 192]: «Она меня тормозила в темноте, а глаза у нее всё еще сияли и блестели, как у кошки» (А.А. Андропова. Вариант нормы (2008)) [31]. 2. ‘О чьих-л. светящихся, отблескивающих в темноте глазах’. 3. ‘О чьих-л. сияющих, блестящих (от предвкушения чего-л. приятного, нетерпения, радости и т.п.) глазах’ [28. С. 192].

В материалах НКРЯ УС *глаза как у кошки* употребляется с оценочным основанием — *злые* и цветообозначением — *желто-зеленые*:

«У Сэм густые каштановые волосы и злые жёлто-зелёные глаза, как у кошки» (Н. Желунов. Рагомор (2007)) [31].

В большинстве случаев признак сравнения опускается:

«Ленка выслушала, вцепилась в меня, глаза как у кошки, волосы растрепаны» (Е. Завершнева. Высотка (2012));

«Ее почти не видно, одни глаза как у кошки» (Н. Мордюкова. Казачка (2005)) [31].

УС (*выглядеть*) как кот в сапогах. Ирон. или Шутл. ‘О смешном, забавном до нелепости человеке, надевшем чрезмерно большую, не по ноге обувь’ [28. С. 191] используется применительно и к мужчине, и к женщине. Например:

«В кирзе этой как кот в сапогах» (А. Анфиногенов. А внизу была земля (1982)) [31].

2. Физические качества

В этой группе русских УС употребляется только эталон «кошка», в большинстве случаев характеризующий как женщину, так и мужчину: *видеть в темноте как кошка, гибкая как кошка* [редко о мужчине], *живуч (живуча) как кошка, лазать (карабкаться) как кошка, ловкий как кошка, прыгать как кошка, глаза (зрение) у кого-л. как у кошки, слух как у кошки*.

Например:

«Вале казалось, что они идут уже к Верхнедуванной, но это было не так: Сережка видел в темноте, как кошка» (А.А. Фадеев. Молодая гвардия (1943—1951));

«Ишь ты! Значит, гибкая, как кошка? — Еще гибче!» (В. Михальский. Одинокому везде пустыня (2003));

«Он желт лицом, худощав и сух; по всем приметам, слабосилен и немощен, а живуч, как кошка, и все походы выносит без всяких заболеваний» (Д.А. Фурманов. Мятаж (1924));

«Это навсегда... Я поняла, что живуча, как кошка. Моя способность адаптироваться в новых условиях была бесподобной» (Екатерина Маркова. Чужой звонок (1990—2000));

«Наш друг кошка, — скрипуче произнес Электроник, стуча мелом по доске, и пояснил: — В темноте у Рэсси стопроцентное зрение, как у кошки» (Е. Велтистов. Рэсси — неуловимый друг (1971)) [31].

3. *Эмоциональное состояние человека* описывают также только УС с эталоном «кошка»: *влюблена в кого-л. как кошка* [влюблен как кошка используется

чрезвычайно редко], влюбляться (влюбиться) в кого-л. как кошка, словно кошки скребут на душе (на сердце).

Из УС этой группы самым частотным в материалах НКРЯ является УС *влюблена как кошка* (14 вхождений):

«От Ильи она тоже будет терпеть всё, что угодно, пока тот ее не бросит, — *влюблена, как кошка*» (Н. Катерли. На два голоса // «Звезда», 2003);

«Через полчаса, я потом узнал, они были уже в гараже, и он уже сиденья раскинул для простора любви, и через пару дней она оказалась в него *влюблена как кошка*, без всяких комплексов» (Е. Белкина. От любви до ненависти (2002)) и др. [31].

4. **Свойства личности** характеризуют УС с обоими эталонами: *влюбчива (любвеобильна) как кошка* — о женщине и *льстивый как кошка* — о лицах обоего пола. Неодобрительное УС *прихотлив как кот* имеет значение 'об очень разборчивом, привередливом человеке'. При замене эталона существительным женского рода — *прихотлив как кошка* — УС приобретает второе значение: 'о крайне церемонном, жеманном, эксцентрично меняющем свои желания, настроения человеке'.

5. **Межличностные отношения** описываются УС с эталонами и «кот», и «кошка»: *словно черная кошка пробежала между кем-л., жить как кошка с собакой и лад у кого-л. как у кошки с собакой, льнуть (ласкаться, ластился) к кому-л. как кошка, носиться с кем-л. как кошка с котятками, ткнуть (тыкнуть) кого-л. куда как кота мордой, душить / задушить кого-л. как кошку*. Например:

«Сергей Ломанов-старший и Владимир Янко долгое время работали вместе в сборной России, но затем между наставниками *словно черная кошка пробежала*» (Васильев А. Как не помирились Сергей Иванович и Владимир Владимирович // Советский спорт, 2008.12.17);

«Смысл фразы *«Живут как кошка с собакой»* знают все — плохо живут, лаются-кусаются-царапаются, одним словом — скандалят» (Д. Зыков. Как кошка с собакой // «Наука и жизнь», 2008) [31].

6. Самую объемную группу составляют УС, **характеризующие поведение**.

Доминантной чертой, фиксируемой фразеологизмами, является блудливое поведение: *как блудливый кот, как мартовский кот, блудлив как кот, похотлив как кот, вести себя как наблудивший кот*. Ср. также *блудлива как кошка*. Поведение мартовского кота раскрывают такие основания сравнений, как *пропадать, забазлать*:

«Саша постоянно *пропадал* где-то, *как мартовский кот*» (Токарева В. Своя правда // «Новый Мир», 2002);

«Вдруг, всю процессуальную тягомотину отбросив, сельский милиционер, нахватившись в больнице городских словечек, отгёр тётку от шкафа и *забазлал, как мартовский кот*» (А. Азольский. Облдрамтеатр // «Новый Мир», 1997) [31].

УС отмечают шkodливое и вороватое поведение кота: *вести себя как нашкодивший кот, вороватый как кот*. Стереотипное представление о поведении нашкодившего кота может конкретизироваться в контексте:

«Она должна знать, чему она подвергает свою жизнь и жизнь своих сотрудников, принесших рапорт о своих злоключениях прямиком на порог ее дома, *как нашкодивший кот приносит задушенную птицу*» (Т. Устинова. Персональный ангел (2002)) [31].

В таком случае эталон-образ превращается в эталон-ситуацию.

В УС отмечаются и некоторые другие черты поведения: *жмуриться / зажмуриться* (*жмурить / зажмурить*) *глаза как кот*, *метаться как угорелый кот* (ср. *бегать* (*носиться, метаться*) *как угорелая кошка*), *облизываться на что-л. как кот на сметану*, *смотреть (глядеть) на что-л. как кот (кошка) на сало (на масло)*, *урчать (мурлыкать) как кот* (ср. *мурлыкать (урчать) как кошка*), *тереться о кого-л. как кот*. Близкое по форме УС с эталоном «кошка» имеет другое значение *тереться вокруг кого-л. как кошка* синонимично *лнуть (ласкаться, ластиться) к кому-л. как кошка* и означает ‘О ласково (обычно лицемерно или притворно), дружески или любовно лнущей к кому-л. женщине (часто с корыстными целями)’, *ходить (ступать, расхаживать) как кот*. ‘О мягко, осторожно ходящем, ступающем человеке’ [28. С. 192]. (Ср. *ходить как кошка*).

Только с эталоном «кошка» функционируют в русском языке такие сравнения, как *играть с кем-л. как кошка с мышкой*, *караулить (подстерегать, сторожить) как кошка добычу*, *красться / подкрасться (подкрадываться) к кому-л., к чему-л. как кошка*; *таскать что-л. с собой как кошка котят*, *умываться как кошка (обычно о детях)*, *фыркать как кошка*, *царапаться как (дикая) кошка* и *шипеть как (разъяренная) кошка* — чаще о женщинах, *смотреть (глядеть) на кого-л. как кошка на мышшь*.

В НКРЯ наиболее употребительным является УС *играть как кошка с мышкой*:

«А она всё знала и играла со мной, *как кошка с мышкой*» (Н. Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003);

«Он просто так *играет, как кошка с мышкой*, а я реагирую искренне, непосредственно и переживаю очень болезненно и серьезно» (Л. Иванова. Искренне ваша грешница (2000)) [31].

В шведском языке для обозначения кота и кошки используется одно и то же слово *en katt*. Существует специальное слово *en katta*, применяющееся только к кошке, но оно малоупотребительно в современном шведском языке, и УС с этим эталоном не используются. Фразеологический словарь шведского языка фиксирует 11 УС с эталоном *en katt*: *se ut som en dränkt katt* (выглядеть как утопленная кошка), *smidig som en katt* (гибкий как кошка), *seglivad som en katt* (живучий как кошка), *spy som en katt* (тошнить как кот), *gå som katten kring het gröt* (ходить как кот вокруг горячей каши), *vara som hund och katt* (быть как кошка с собакой), *kär som en klockarkatt* (влюблен как кот пономаря), *fräsa som en (arg) katt* (шипеть как (злая) кошка), *spinna som en katt* (мурлыкать как кошка), *ögon, runda som en katts* (глаза круглые как у кота), *att tassa tyst som en katt* (ходить тихо как кошка) [30].

Как и в русском языке, шведские УС с рассматриваемым эталоном обозначают особенности поведения человека, его внешности, физических качеств и отношений между людьми.

Эквивалентными являются такие УС русского и шведского языков, как: *гибкий как кошка* — *smidig som en katt*, *живучий как кошка* — *seglivad som en katt*, *жить как кошка с собакой* — *vara som hund och katt*, *шипеть как злая кошка* — *fräsa som en (arg) katt*, *мурлыкать как кошка* — *spinna som en katt*, *глаза круглые как у кота* — *ögon, runda som en katts*, *ходить тихо как кошка* — *att tassa tyst som en katt*.

Однако в шведском языке не наблюдается столь сильно выраженной пейоративной оценки в УС с эталоном *en katt*, как в их русских аналогах. В шведских УС отсутствует представление о коте (кошке) как о блудливом животном, являющееся устойчивым стереотипом в русском языковом сознании. В свою очередь в УС русского языка не находит отражения такой признак, как нетерпение — *gå som katten kring het gröt* (ходить как кот вокруг горячей каши), безэквивалентными относительно русского языка являются и шведские УС *spy som en katt* (тошнить как кота) и *kär som en klockarkatt* (влюблен как кот пономаря).

Важно отметить, что анализ употребления рассматриваемых шведских УС в контекстах художественной литературы и интернета позволяет говорить об их практически равномерном гендерном распределении. Все перечисленные выше единицы могут использоваться для характеристики как мужчины, так и женщины. Это касается даже такого УС, как *fräsa som en (arg) katt* (шипеть как (злая) кошка), аналог которого в русском языке имеет явную гендерную отнесенность:

«Han är röd av ilska och fräser som en arg katt. — Он красный от злости и шипит как злая кошка» (Wahlström G. Följa en främling);

«Lisas ögon blir kolsvarta och hon fräser som en retad katt. — Глаза Лизы становятся чёрными как уголь, и она шипит как разъярённая кошка» (Hagmar P. Klara och Star) [32].

Отдельно следует остановиться на безэквивалентном относительно русского языка УС *kär som en klockarkatt* (влюблен как кот пономаря). Исследователь шведского фольклора Маргарета Хельквист пишет, что выражение, известное в шведском языке с XVIII века, связано с оборотом *klockarkärlek* (пономарская любовь), означающим особую любовь, слабость к чему-то и явившимся неправильным переводом французского *amour de clocher* (любовь к родным местам), а также с влиянием французского УС *amoureux comme un chatte* (влюблённый как кошка) [33. С. 132]. Примечательно, что в толковом словаре шведского языка приводятся контексты употребления в XVIII веке сравнения *kär som en klockarkatta* (влюблённая как кошка пономаря), где в качестве эталона употребляется гендерно маркированное слово *katta*, а также слова *klockarkatt* (кот пономаря) в значении «пономарь» [34. С. 1317]. Вероятно, нельзя исключать происхождение УС *kär som en klockarkatt* от *kär som en klockare* (влюблённый как пономарь).

ВЫВОДЫ

Благодаря существующей в русском языке грамматической категории рода УС с эталонами «кот» и «кошка» могут иметь гендерные различия. Часть из них используется применительно к лицам обоего пола, но некоторые совпадающие по составу УС, с одним и тем же основанием сравнения, имеют разное значение и употребляются только применительно к лицам мужского или женского пола. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство УС с исследуемыми эталонами имеют презрительную и неодобрительную коннотацию. Незначительная часть проанализированных УС отличается шутливой и ироничной окраской. Русские УС могут употребляться в речи без оснований сравнения, признак сравнения

выявляется из контекста. При этом говорящий либо опирается на существующую в языковом сознании носителя языка пресуппозицию (при опущенном признаке сравнения), либо приводится окказиональное основание сравнения, проясняющее, что именно имеется в виду. Контекст может конкретизировать, раскрывать существующее основание сравнения, при этом эталон-образ расширяется до эталона-ситуации.

Стереотипное представление о коте и кошке в русских УС выглядит следующим образом. Кот внешне непривлекателен, если он худой, облезлый, ободраный и старый. Он, как и кошка, отличается мягкой тихой походкой. Животное блудливо, похотливо (особенно в марте), вредливо и воровато. Любит масло, сало и сметану, кот, как и кошка, прихотлив. Как и кошка, кот урчит (мурлычет) и жмурится от удовольствия, мечется в случае паники. Кошка гораздо лучше «прорисована» в исследуемом фрагменте русской языковой картины мира. Она тоже не привлекательна, если худая, шелудивая и ободранная; блудлива, но отличается влюбчивостью; гибкая, ловкая, у нее хорошие зрение и слух. Кошка заботится о котятках. Она лицемерна и лстлива, может больно царапаться, фыркать и злобно шипеть. Любит играть с пойманной мышкой, тихо подкрадываться к добыче.

Проведенное сопоставление со шведским языком позволяет сделать следующие выводы. При общем совпадении идеографических групп УС с эталонами *кот/кошка* в русском языке и *en katt* в шведском, что связано с многовековыми наблюдениями двух народов за универсальными чертами внешнего облика и поведения живущих рядом с людьми домашних животных, стереотипное представление о коте и кошке в системе УС двух языков имеет существенные различия. Наблюдается различная номинативная плотность УС русского и шведского языков: 77 УС русского языка с эталонами *кот/кошка* и 11 УС шведского языка с эталоном *en katt*. В русском языке худые животные служат эталоном для описания внешности человека, большую роль при характеристике внешности мужчины играют «усы как у кота», отдельно выделяется образ-эталон «старый кот». При описании внешности шведскими УС акцент ставится только на мокром человеке («утопленной» кошке). В русском языке детальнее представлены такие идеографические УС, как поведение и межличностные отношения. В современном шведском языке отсутствует гендерное различие, ярко выраженное в русском языке существительными мужского и женского рода *кот* и *кошка*. Кроме того, шведский эталон *en katt* не имеет очевидной пейоративной окраски, и для шведского языкового сознания нерелевантно представление о коте как о блудливом и похотливом животном.

Выявленные различия важно учитывать в русско-шведской межкультурной коммуникации, в преподавании русского и шведского языков и при составлении двуязычного словаря устойчивых сравнений.

© Алёшин А.С., Зиновьева Е.И., 2019
 Дата поступления: 20.12.2018
 Дата приема в печать: 2.03.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Подчаха О.В.* Особенности многозначности устойчивых сравнений // Преподаватель XXI век. 2012. № 1 (2). С. 329—335.
2. *Бойко Л.Г.* Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. 2008. № 5 (29). С. 94—97.
3. *Ая У.* Русские пословицы на фоне эстонских: к концепции тематического лингвокультурологического словаря // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2011. № 5 (59). С. 43—47.
4. *Балонкина О.В.* Лингвокультурная значимость имени первостихии вода в составе русских и английских фразеологизмов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 423. С. 5—14. doi: 10.17223/15617793/423/1.
5. *Бредис М.А.* Деньги и богатство в пословицах разных народов (на материале русского, латышского, немецкого и английского языков) // Вестник Орловского ун-та. 2012. № 4 (24). С. 234—238.
6. *Кузнецова И.В.* Biblical phraseology and language game // Studia Slavica. Budapest. 2013. P. 127—141. doi: 10.1556/SSlav.57.2012.1.7.
7. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне украинского и русского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119—128. doi: 10.17223/18572685/45/9.
8. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне русского и украинского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303—317. doi: 10.17223/18572685/54/18.
9. *Нгуен Тхань Ха.* Сравнительное изучение фразеологизмов русского и вьетнамского языков: типы межъязыковых фразеологических эквивалентов // Преподаватель XXI век. Ч. 2. М., 2015. С. 319—323.
10. *Пи Цзянькунь.* Ложь, неправда и кривда как фрагмент русского паремипространства (на фоне китайского языка) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Филология. 2014. Т. 1. № 2. С. 244—252.
11. *Юань Линь.* Стереотипное представление о госте в русских пословицах (на фоне китайских) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2016. № 1 (105). С. 148—152.
12. *Kovzele O., Korolova J.* Comparisons with the component designating human's profession and occupation (based on Latvian and Russian material) // 4-th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018. 24—30 August. Albena, 2017. P. 645—643.
13. *Кулик А.Э.* Национально-культурная специфика русских и корейских устойчивых сравнений // Русский язык за рубежом. 2012. № 5. С. 58—64.
14. *Морозов М.А.* Источники лингвокультурологического комментирования фразеологических единиц // Научное мнение. 2013. № 6. С. 46—51.
15. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
16. *Элмасын А.В.* Лингвокультурные особенности русских и английских устойчивых сравнений, характеризующих физические качества и способности человека // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов / под ред. В.И. Тхорика. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 214—219.
17. *Кузнецова И.В.* Адам и Ева в устойчивых сравнениях славян // Studia Slavica. Budapest, 2012. P. 127—141. doi: 10.1556/SSlav.57.2012.1.7.
18. *Кузнецова И.В.* Персонажи Библии в словацких сравнениях (на фоне других языков) // Studia Slavica. Budapest, 2016. P. 45—67. doi: 10.1556/060.2016.61.1.3.
19. *Кузнецова И.В.* Персонажи Книги книг в сравнениях белорусов и украинцев (на фоне других языков) // Studia Slavica. Budapest. 2016. С. 345—361. doi: 10.1556/060.2016.61.2.7.

20. Кузнецова И.В. Славянские устойчивые сравнения с семантикой ‘очень похожи’ (на фоне других языков) // *Studia Slavica*. Budapest. 2018. С. 247—256. doi: 10.1556/0602018.63.2.6.
21. Малькова В.В. Русские и немецкие устойчивые сравнения как источник сведений об ассоциативном потенциале слов // *Русский язык за рубежом*. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 70—75.
22. Энхжаргал Б. Устойчивые сравнения как культурная константа // *Мир науки, культуры, образования*. 2009. № 6. С. 35—36.
23. Юй Фэнин. Антропоморфные сравнительные обороты со значением формы лица человека в русском и китайском языках // *Университетский научный журнал*. СПб., 2015. № 16. С. 203—210.
24. Хади Али Хуссейн. Характеристика человека в устойчивых стереотипных сравнениях в русском языке «по данным направленного ассоциативного эксперимента» // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Филология. Журналистика. 1/2008. С. 142—144.
25. Юрченко И.А. Общее и национально-специфичное в образах-эталонах устойчивых сравнений // *Вестник Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. 2009. № 54. С. 88—93.
26. Ма Сянфэй. Вербализация стереотипных представлений о дожде в русском и китайском языках (на примере устойчивых выражений) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. Волгоград, 2017. № 4. С. 128—135.
27. Николаева Е.И., Селиверстова Е.И. Представление о крепком сне в славянских языках (на материале устойчивых сравнений) // *Studia Slavica*. Budapest, 2016. P. 325—343. doi: 10.1556/060.2016.61.2.6.
28. Мокиенко В.М. *Словарь сравнений русского языка*. СПб.: Норинт, 2003.
29. Огольцев В.М. *Словарь устойчивых сравнений русского языка*. М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2001.
30. *Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser*. Stockholm: Norstedts, 2003.
31. *Национальный корпус русского языка*. URL: [http:// www.ruscorpora.ru/](http://www.ruscorpora.ru/) (дата обращения: 17.01.2019).
32. *Språkbanken*. URL: <https://spraakbanken.gu.se/> (дата обращения: 18.02.2019).
33. *Hellquist M. Göra en pudel och sova räv. Zoologiskt ABC*. Stockholm: Atlantis, 2005.
34. *Svenska Akademiens ordbok*. URL: <https://www.saob.se/> (дата обращения: 18.02.2019).

УДК [811.161.1:811.113.6]373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-288-300

STEREOTYPIC IDEA OF A TOM-CAT AND A CAT THROUGH THE PRISM OF COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS OF RUSSIAN AND SWEDISH LANGUAGES

Alexey S. Alyoshin¹, Elena I. Zinovyeva²

¹Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education
“The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications”
22, bld. 1, prospect Bolshevikov, Saint Petersburg, Russia, 193232

²Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education
“Saint Petersburg State University”
11, University Embankment, Saint Petersburg, Russia, 190034

Abstract. The article attempts to identify the stereotypic idea of widespread domestic animals (a tom-cat and a cat) on the material of similes of Russian and Swedish languages that characterize humans. The objective of the study is to identify the dominant characteristics of the “tom-cat” and “cat” in the Russian

language picture of the world, which serve to assess a person, against the Swedish background. The sources of the material were dictionaries of Russian similes, the Swedish Phraseological Dictionary, data of the Russian National Corpus and the Swedish National Corpus. The main methods used in the study are methods of complete and directed material sampling, lexicographical, contextual and comparative analysis. This is an ideographic classification of Russian idioms, which allows to reveal comparison signs relevant for the Russian language picture of the world. The article identifies the dominant comparison bases in each group, indicating the importance of the corresponding attribute for native speakers. It analyzes gender distinctions in the use of Russian phraseological units with the “tom-cat” and “cat” reference standards, and peculiarities of using Russian similes in fiction contexts. A contrastive analysis is carried out with Swedish comparative phraseologisms with the standard “en katt”. The novelty of the study is to identify similar and different characteristics that allow to make a “portrait” description of domestic animals that serve as standards of similes, to identify relevant features for Russian and Swedish language pictures of the world. The study vector is directed from the standards of similes to their bases. As a result of the study, conclusions are drawn about the greater nominative density of idioms with “tom-cat / cat” components in Russian compared to Swedish, differences in gender relatedness due to the lack of generic differentiation of the Swedish standard of comparison, despite the fact that in Russian the replacement of the component “tom-cat” by “cat” leads to a change in the meaning of the phraseological unit, more detailed stereotypical representations in the Russian language particularly in such ideographic groups of similes as characteristics of appearance and behavior and to a greater pejorativity of Russian phraseological units compared to Swedish ones. The identified equivalent units in two languages, as well as the presence of the same ideographic groups of similes are due to the centuries-old observation of the peoples-speakers of languages for the universal features of the appearance and behavior of animals.

Key words: simile, standard, comparison basis, stereotypic idea

REFERENCES

1. Podchaha, O.V. (2012) Peculiarities of polysemy of similes. *Teacher of XXI century*, 1—2. pp. 329—335. (In Russ.)
2. Boyko, L.G. (2008) Zoomorphic code of culture in the semantics of similes. *Proceedings of Volgograd State Pedagogical University. Philological science*, 5 (29). pp. 94—97. (In Russ.)
3. Aya, U. (2011) Russian proverbs on the Estonian background: on the concept of a thematic linguistic-cultural dictionary. *News of the Volgograd State Pedagogical University*. Volgograd, 5 (59). pp. 43—47. (In Russ.)
4. Balonkina, O.V. (2017) Lingvocultural significance of the word water as a primary element in Russian and English idioms. *Bulletin of the Tomsk State University*, 423. pp. 5—14. doi: 10.17223/15617793/423/1. (In Russ.)
5. Bredis, M.A. (2012) Money and wealth in proverbs of different nations (on the material of Russian, Latvian, German and English). *Orel University Bulletin*, 4 (24). pp. 234—238. (In Russ.)
6. Kuznetsova, I.V. (2013) Biblical phraseology and language game. *Studia Slavica*. Budapest. pp. 127—141. doi: 10.1556/SSLav.57.2012.1.7.
7. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of Rusyn paroemias against the background of Ukrainian and Russian languages. *Rusin*, 3 (45). pp. 119—128. doi: 10.17223/18572685/45/9. (In Russ.)
8. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Value constants of Rusyn paremiology (against the background of Russian and Ukrainian languages). *Rusin*, 4 (54). pp. 303—317. doi: 10.17223/18572685/54/18. (In Russ.)
9. Nguyen Thanh Ha. (2015) Comparative study of Russian and Vietnamese phraseological units: types of interlanguage phraseological equivalents. *Teacher XXI century. Part 2*. Moscow. pp. 319—323. (In Russ.)
10. Pi Jiankun. (2014) Lies, untruth and falsehoods as a fragment of the Russian paremiological space (against the background of the Chinese language). *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Series Philology*, 1 (2). pp. 244—252. (In Russ.)

11. Yuan Liying. (2016) The stereotypical idea of a guest in Russian proverbs (against the background of Chinese). *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. Volgograd. 1 (105). pp. 148—152. (In Russ.)
12. Kovzele O. & Korolova J. (2017) Comparisons with the component designating human's profession and occupation (based on Latvian and Russian material). *4-th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018. 24—30 August*. Albena. pp. 645—643.
13. Kulik, A.E. (2012) National and cultural specificity of Russian and Korean similes. *Russian language abroad*, 5. pp. 58—64. (In Russ.)
14. Morozov, M.A. (2013) Sources of linguocultural commenting of phraseological units. *Scientific opinion*, 6. pp. 46—51. (In Russ.)
15. Teliya, V.N. (1996) Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kultury». (In Russ.)
16. Elmasyan, A.V. (2017) Linguistic and Cultural features of Russian and English similes characterizing physical qualities and abilities of a person. *Interdisciplinary aspects of linguistic research*. Krasnodar: Kuban State University. pp. 214—219. (In Russ.)
17. Kuznetsova, I.V. (2017) Adam and Eve in similes of Slavs. *Studia Slavica*. Budapest. pp. 127—141. doi: 10.1556 / SSLav.57.2012.1.7. (In Russ.)
18. Kuznetsova, I.V. (2016) Bible characters in Slovak comparisons (compared to other languages). *Studia Slavica*. Budapest. pp. 45—67. doi: 10.1556/060.2016.61.1.3. (In Russ.)
19. Kuznetsova, I.V. (2016) Characters of the book of books in comparisons of Belarusians and Ukrainians (compared to other languages). *Studia Slavica*. Budapest. pp. 345—361. doi: 10.1556/060.2016.61.2.7. (In Russ.)
20. Kuznetsova, I.V. (2018) Slavic similes with semantics 'very similar' (compared to other languages) *Studia Slavica*. Budapest. pp. 247—256. doi: 10.1556/0602018.63.2.6. (In Russ.)
21. Malkova, V.V. (2014) Russian and German similes as a source of information about the associative potential of words. *Russian language abroad. Series: Linguistics*, 3. pp. 70—75. (In Russ.)
22. Enkhjargal B. (2009) Similes as a cultural constant. *World of science, culture, education*, 6. pp. 35—36. (In Russ.)
23. Yu Fenin. (2016) Anthropomorphic comparative expressions with the meaning of a human face shape in Russian and Chinese languages. *University scientific journal*. Saint Petersburg, 16. pp. 203—210. (In Russ.)
24. Hadi Ali Hussein. (2011) Characteristics of a person in stereotypical similes in the Russian language "according to the directional associative experiment". *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 1. pp. 142—144. (In Russ.)
25. Yurchenko, I.A. (2009) General and national-specific in images-standards of similes. *Bulletin of Vitebsk State University*, 54. pp. 88—93. (In Russ.)
26. Ma Xiangfei. (2017) Verbalization of the stereotypical notions of rain in Russian and Chinese (by the example of sustainable expressions). *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. Volgograd, 4. pp. 128—135. (In Russ.)
27. Nikolaeva, E.I. & Seliverstova, E.I. (2016) The idea of a sound sleep in Slavic languages (by the material of similes). *Studia Slavica*. Budapest. pp. 325—343. doi: 10.1556/060.2016.61.2.6. (In Russ.)
28. Mokienko, V.M. (2003) Dictionary of Russian language comparisons. St. Petersburg: Norint. (In Russ.)
29. Ogoltsev, V.M. (2001) Dictionary of similes of the Russian language. Moscow: AST, Astrel, Russian Dictionaries. (In Russ.)
30. Svenskt språkbruk. (2003) Ordbok över konstruktioner och fraser. Stockholm: Norstedts.
31. Russian National Corpus. URL: [http:// www.ruscorpora.ru/](http://www.ruscorpora.ru/) (accessed: 17.01.2019).
32. Språkbanken. Mode of access: URL: <https://spraakbanken.gu.se/> (accessed: 18.02.2019).
33. Hellquist, M. (2005) Göra en pudel och sova räv. Zoologiskt ABC. Stockholm: Atlantis.
34. Svenska Akademiens ordbok. URL: <https://www.saob.se/> (accessed: 18.02.2019)

Для цитирования:

Алёшин А.С., Зиновьева Е.И. Стереотипное представление о коте и кошке сквозь призму компаративных фразеологизмов русского и шведского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 288—300. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-288-300.

For citation:

Alyoshin, A.S. & Zinovyeva, E.I. (2019). Stereotypic idea of a tom-cat and a cat through the prism of comparative phraseological units of Russian and Swedish languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 288—300. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-288-300.

Сведения об авторах:

Алёшин Алексей Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков гуманитарного факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»; *научные интересы*: лексикология и фразеология шведского языка, фразеография, лингвокультурология; *e-mail*: alexis001@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6058-8844; eLIBRARY SPIN-код: 4983-8447

Зиновьева Елена Иннокентьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»; *научные интересы*: лексикология и фразеология современного русского языка, историческая лексикология и фразеология русского языка, лексикография, лингвокультурология; *e-mail*: e.i.zinovieva@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6253-9739; eLIBRARY SPIN-код: 9059-2243

Information about the authors:

Alexey S. Alyoshin, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Chair, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications”. *Research interests*: Swedish lexicology and phraseology, phraseography, linguoculturology; *e-mail*: alexis001@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6058-8844. eLIBRARY SPIN-code: 4983-8447

Elena I. Zinovyeva, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methodology of its Teaching, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “Saint Petersburg State University”. *Research interests*: lexicology and phraseology of the modern Russian language, historical lexicology and phraseology of the Russian language, lexicography, linguoculturology; *e-mail*: e.i.zinovieva@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6253-9739. eLIBRARY SPIN-code: 9059-2243

Благодарность: Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Acknowledgment: The publication has been prepared with the support of the «RUDN University Program 5-100».